

Е. Г. Водичев
**В ТРАЕКТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ:
НАУКА И НАУЧНАЯ ПОЛИТИКА В ГОДЫ
«ХРУЩЕВСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ»***

doi: 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-135-144

УДК 94(47)“1950/1960”)

ББК 63.3(2)632

Статья посвящена проблемам научно-технической политики СССР в период «хрущевского десятилетия» как составной части макроэкономической политики. Анализ осуществлен в контексте реализованных в стране экономических реформ и экспериментов. Выявлены основные компоненты научно-технической политики, показана эволюция ее структуры и содержания. При анализе научно-технической политики основное внимание уделено рефлексии статуса науки как драйвера экономического развития в условиях глобальных вызовов и формирования новых технологических укладов. Декларированные в научно-технической политике акценты на прикладную функцию научных исследований и разработок (НИОКР) представлены как отражение традиционных для СССР интерпретаций места и роли науки в обществе в новых условиях НТР в качестве советской контртезиса концептам постиндустриального общества. Отражена связь механизмов принятия решений в области научно-технической политики с общей логикой хрущевского популизма и формирующейся практикой «бюрократического торга». Выявлены базовые тенденции подходов к планированию в науке и координации в сфере НИОКР, показаны направления организационной перестройки органов управления научно-техническим комплексом. Сделан вывод, что научно-техническая политика в середине 1950 — 1960-х гг. являлась инструментом экономической политики, а также что единой научно-технической политики в стране при Н. С. Хрущеве так и не сформировалось. При этом отдача от инноваций по-прежнему оставалась на низком уровне.

Ключевые слова: *Н. С. Хрущев, экономическая политика, наука, научно-техническая политика, реформы*

Одним из приоритетов советской экономической политики во второй половине XX в. стала опора на научно-технический прогресс (НТП). Меняющаяся роль науки должна была найти отражение в принципиально новой научно-технической политике, призванной заменить собой «протополитику» периода позднего сталинизма. Точкой бифуркации стала середина и вторая половина 1950-х гг.

Цель данной статьи — характеристика научно-технической политики «хрущевского десятилетия» в контексте изменения статуса науки и в связи с экономическими стратегиями и перспективами. С методологической точки зрения она является частью макросоциальной

политики государства, формирующейся в результате баланса интересов институтов центральной власти, отраслевых ведомств, а также региональных элит. В ходе экономических реформ Хрущева роль последних на время повысилась, но в целом в сфере инициирования политики уступала влиянию двух других акторов.

Историография хрущевского времени весьма обширна, однако ряд принципиальных вопросов еще не нашел своего решения. В их числе периодизация экономической политики хрущевского периода, вопрос о соотношении технологических заимствований и результатов собственных разработок в планах экономического роста и повышения эффективности экономики, проблема определения причин и факторов неудач ускорения экономики страны на основе НТП. Дискуссионной остается и проблема баланса консервативной традиции и новаций в сфере науки и технологий.¹ Ответ на эти вопросы крайне важен для понимания причин технологического отставания российской экономики.

*Водичев Евгений Григорьевич — д.и.н., профессор кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет (г. Новосибирск); профессор кафедры отечественной истории, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск)
E-mail: vodichev@mail.ru*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00061 «Несостоявшееся ускорение: стратегия и практика экономической политики “хрущевского десятилетия”» (рук. Е. Т. Артемов)

¹ См.: Artemov E., Vodichev E. The Economic Policies of the Khrushchev Decade: Historiography // *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8, № 5. P. 1822–1839.

Что касается ретроспективного анализа научно-технической политики, то и здесь имеются как достижения, так и существенные лакуны. Основное внимание уделяется военно-промышленному комплексу (ВПК) и, соответственно, военно-технической политике,² а также наиболее очевидным «реперным точкам», таким, например, как формирование Сибирского отделения Академии наук (СО АН) СССР.³ В то же время проблема системной интерпретации научно-технической политики остается, как правило, за пределами внимания специалистов.

Точки отсчета: глобальные тренды и советская практика послевоенных лет. В послевоенные годы в ведущих экономиках мира происходило ускоренное формирование новых технологических укладов. Одной из особенностей этого стал трансферт технологий из ВПК в гражданскую экономику, в том числе и в те отрасли, которые обеспечивали потребление. Происходили структурные сдвиги, приводившие к значительному росту доли сферы услуг, увеличивались скорость технологического обновления, гибкость и «отзывчивость» экономики на общественные запросы, повышалась способность экономики удовлетворять потребности населения в продуктах и услугах.⁴ Резкое ускорение темпов технико-технологического развития основывалось на масштабном использовании научных достижений. Складывалось понимание тесной связи между наукой, экономикой и политическим процессом, и это касалось не только технологически ангажированных отраслей, но и науки в целом. Роль науки объективно повышалась, что предопределяло переход к активной научно-технической политике и формированию национальных инновационных систем, основанных на устойчивом взаимодействии науки и производственного комплекса.

На фоне глобальных трендов ситуация в СССР отличалась своеобразием. Реконверсия производства имела ограниченный характер. Не менялась и общая модель, основанная на принципе мобилизационной экономики с присущими ее индустриализационному варианту особенностями и инвестиционными

сценариями. Показатели эффективности экономического развития снижались, а технологические разрывы между отраслями ВПК и гражданскими секторами экономики постоянно возрастали.

После окончания Великой Отечественной войны и восстановления производства на прежней технологической платформе приоритеты по-прежнему расставлялись скорее с упором на технику и технологию, чем на науку. Вместе с тем в количественном отношении наука стремительно развивалась. Численность научного персонала в СССР с 1950 по 1965 гг. увеличилась более чем в 4 раза и достигла 664,6 тыс. человек, что существенно превышало прирост занятых в экономике в целом.⁵ Однако в стране не сложилось единой политики, системно связывающей науку и технологию. Некоторым исключением оставался лишь ВПК, где осознавалась необходимость фундаментальных знаний в качестве основы для инноваций. Справедливо мнение, что «в ВПК формировалась локальная инновационная система, опирающаяся не только на передовые зарубежные разработки, но и на собственные»,⁶ однако технологический трансферт из «оборонки» в гражданскую экономику оставался заблокированным.

Вместе с тем к середине 1950-х гг. ресурс для «технологических инъекций» в экономику, основанный на репарациях и вывозе в СССР документации и производств из побежденных стран, оказался практически исчерпанным. Такой перенос технологий способствовал обновлению производства, но вряд ли мог стать основой для долговременной технической политики. Объем репараций из Германии составил весомые 86 млрд руб., включая 70 млрд руб. промышленного оборудования.⁷ При этом экспертами отмечается, что «увеличение наукоемкости машин и продукции машиностроения в 1946–1958 гг. усугубило отставание стран, не производящих, а потребляющих технические знания путем трансляции их из государств, располагающих собственным научно-техническим потенциалом».⁸ По некоторым

² См.: Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017; и др.

³ См., напр.: Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк / Водичев Е. Г. [и др.]. Новосибирск, 2007.

⁴ См.: Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005. С. 70, 71.

⁵ См.: Дуженков В. И. Проблемы организации науки (региональные аспекты). М., 1978. С. 122.

⁶ Калинов В. В. Достижения и просчеты государственной научно-технической политики СССР в послевоенный период // Рос. технол. журнал. 2018. Т. 6, № 1 (21). С. 82, 83.

⁷ См.: Ханин Г. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991. С. 182.

⁸ Козлов Б. И. Академия наук СССР и индустриализация России. Очерк социальной истории. 1925–1963. М., 2003. С. 167.

данным, на таких крупнейших предприятиях, как Кировский, Ижорский металлический заводы, к концу 1950-х гг. 57 % оборудования имело износ от 21 до 60 %, а 14 % — свыше 60 %.⁹ Технологический уровень стремительно падал, а состояние отечественного научно-технического потенциала не позволяло запустить процесс массового обновления производства. В таких условиях массивное укрепление научного потенциала, увеличение масштабов научной деятельности, повышение отдачи от научных разработок в виде собственных технико-технологических решений неизбежно должны были войти в число государственных приоритетов. Возникла необходимость осмыслить глобальные тенденции НТП и происходившее в мире изменение акцентов в развитии науки и технологий в их системном единстве, отразив это в научно-технической политике.

Рефлексия проблемы. «Реперной точкой» визуализации изменений стала середина 1955 г. Постановление от 28 мая 1955 г., июльский (1955 г.) пленум ЦК КПСС и состоявшийся в начале 1956 г. XX съезд продемонстрировали, что отныне проблемы НТП будут находиться в центре внимания власти. В духе времени состояние научно-технического потенциала было подвергнуто массивной критике снизу и сверху. Постоянно стал повторяться тезис о том, что только внедрение в производство достижений науки может обеспечить быстрый рост производительности труда. Ярко и во многом неожиданно звучали призывы к изучению зарубежных практик. Однако первоначально причины всех недостатков в области технического прогресса сводились к «самоуспокоенности и зазнайству» части работников промышленности и науки, у которых «притушилось чувство ответственности за порученное дело».¹⁰ В этом же русле находились и попытки найти корни проблем в области НТП в недостатках руководства со стороны министерств и ведомств. Делался вывод, что основной причиной технико-технологического отставания страны является неэффективная система управления наукой и НТП в целом. Критиковались слабость координации различных секторов науки, отсутствие в стране единого управленческого центра в сфере научно-технического развития, а также неравномерность размещения научно-исследо-

вательских учреждений (НИУ). Ставилась под сомнение целесообразность создания НИУ в Москве и вообще в центре страны, на удалении от производственной базы.¹¹

Появлялись на страницах печати и рассуждения, выходявшие за рамки официально признанных трактовок. Среди них наиболее значимыми стали попытки связать проблемы в сфере НТП с экономическим механизмом. Так, по мнению Г. Глембовского, директора Уралмашзавода (г. Свердловск), «чтобы двинуть вперед внедрение новой техники недостаточно иметь решения и приказы. Нужно создать экономическую заинтересованность предприятий во внедрении новой техники. Это... может осуществляться за счет цен, коэффициентов, регулирования плана».¹² Однако подобные тезисы звучали нечасто, поскольку власти старались избегать такого контекста. Организационные неурядицы и неэффективное управление — в этом, по мнению истеклишмента, заключались главные причины возникавших в науке и экономике проблем. К тому же, как и раньше, был очевиден соблазн все свести к субъективному фактору. Место прежнего «зазнайства и самоуспокоенности» к концу 1950-х гг. заняли «технический консерватизм, сила привычки, нежелание преодолевать трудности, связанные с внедрением новой техники, отсутствие государственного подхода».¹³

С началом 1960-х гг. представления о слабости восприимчивости экономики к абсорбированию результатов НИОКР все шире распространялись в среде профессионалов. Однако для властей по-прежнему все сводилось лишь к неоптимальному управлению и субъективным ошибкам в администрировании. Власти считали, что НТП можно ускорить за счет мобилизации кадрового потенциала и назначения на ключевые посты в науке и на производстве ответственных руководителей, а также посредством реорганизации системы управления в целом. Общая логика экономических реформ Хрущева в полной мере распространялась и на науку.

Наука и идеологические концепты. Изменение отношений власти и науки корреспондировало с разработкой идеологической

⁹ См.: Ваксер А. Бумеранг репараций // Аргументы и Факты. 1994. № 20. 17 мая.

¹⁰ Правда. 1955. 19 мая, 8 июля.

¹¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8. С. 505–509; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 139. Л. 27.

¹² Правда. 1955. 30 мая.

¹³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 4. С. 373.

платформы построения коммунизма, ставшей основой Третьей программы КПСС. Это позволило некоторым зарубежным экспертам, явно приукрашивавшим ситуацию, заявить о «симбиозе науки и власти».¹⁴ При Хрущеве получил дальнейшее развитие концепт науки как непосредственной производительной силы общества. Его формирование происходило постепенно, начиная с речи Н. А. Булганина на июльском (1955 г.) пленуме ЦК КПСС, однако более или менее законченные черты эта концепция обрела в 1961 г. на XXII съезде КПСС, воплотившись в новой программе. В рамках обновленной парадигмы изменилось понимание взаимосвязей между наукой и производством: наука стала восприниматься как часть единого научно-производственного комплекса, во многом определяющая его состояние. Делался вывод, что в новых условиях любые научные исследования должны иметь прямой выход в сферу общественного производства. Характерно, что в Третьей программе развитие теоретических исследований было отнесено к «наиболее важным задачам», но при этом акцентировалась их прагматическая функция.¹⁵ В дальнейшем эти принципы стали основой теории о соединении достижений НТР с преимуществами социализма, ставшей советской контртезисом западной концепции постиндустриального общества. Именно в этой идеологии были концептуализированы пути и способы вхождения СССР в новое цивилизационное пространство.

Наука, Хрущев и советники. Принципы формирования научной политики отразили базовые тренды в изменении механизмов разработки и принятия решений. С середины 1950-х гг. повышалась публичность при осуждении вопросов, связанных с развитием научного потенциала. Одновременно складывались механизмы «бюрократического торга» при общем повышении веса науки в системе экономических приоритетов. Власть демонстрировала стремление привлечь к обсуждению важнейших научно-технических проблем не только политических руководителей, экономических лидеров, но и крупнейших ученых и организаторов науки, оставляя за собой

принятие всех принципиальных решений и контроль за реализацией политики. Транзит политики происходил с широким использованием инструментов популизма. Хрущев стал первым советским лидером, окружившим себя советниками и консультантами, но регулярно отходившим от предлагаемых ему сценариев.¹⁶

Это касалось и науки. Несмотря на склонность к принятию единоличных и «единственно верных» решений, Хрущев часто апеллировал к неформальным консультантам из числа видных деятелей науки, и это в той или иной степени оказывало влияние на контуры научно-технической политики. Мнение некоторых знаковых фигур из числа ведущих ученых воспрепятствовало ряду необдуманных действий, в числе которых была и возможность ликвидации АН СССР.

Хрущев неоднократно отмечал необходимость создания экспертной структуры, в рамках которой можно было бы вырабатывать согласованную точку зрения по принципиальным научно-техническим проблемам. В феврале 1964 г. на пленуме ЦК КПСС он заявил, что «надо иметь какой-то орган, который занимался бы крупными научно-экономическими проблемами. В состав этого органа могут войти ученые, руководители академий наук, государственных комитетов, партийные и хозяйственные работники. Такой орган призван давать анализ научного развития в широком смысле этого слова, следить за тенденциями и направлением наиболее важных областей научных знаний, давать соответствующие обзоры научных направлений».¹⁷ Практическим выражением этих намерений стала попытка создания вневедомственного Научного совета при правительстве СССР. По имеющимся данным, он возник по инициативе академика М. А. Лаврентьева, председателя СО АН СССР и одного из доверенных лиц Хрущева. В духе времени Совет формировался как общественный орган и не обладал функциями принятия решений, но мог обеспечивать их предварительную экспертизу. Однако на практике Совет собирался лишь несколько раз и прекратил свое существование вскоре после отставки Хрущева. Система администрирования отвергала такие структуры, поскольку прямые каналы влияния на руководство страны не соответ-

¹⁴ «Генштаб науки»: всестороннее исследование Российской/Советской/Российской Академии наук. Сб. статей. Хиросима, Research Group № 22500858. Japan Society for the Promotion of Science, 2011. Т. 1. С. 4.

¹⁵ См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза: стеногр. отчет. М., 1962. Т. 3. С. 322.

¹⁶ См.: Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники: о Хрущеве, Андропове и не только о них... М., 1990.

¹⁷ Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1964. Т. 8. С. 458.

ствовавали логике складывавшегося механизма «бюрократического торга».

Что же касается руководителей различных ведомств, ответственных за координацию НИОКР, то практически все, кто занимал ключевые позиции в сфере управления научно-техническим комплексом: В. А. Малышев, М. В. Хруничев, К. Н. Руднев и др. — имели обширный опыт работы в ВПК и приносили в управление сферой науки и технологий «оборонное мышление». Это же было характерно и для многих лидеров Академии наук СССР. Правда, не следует забывать, что у Хрущева авторитетом пользовались и такие персонажи, как Т. Д. Лысенко.

В целом же отношение Хрущева к науке оставалось противоречивым. Он призывал всегда помнить про науку: «Надо, товарищи, на науку обратить внимание. Она у нас хорошо развита, но там, знаете ли, целина. Мы еще не подошли к ней по-настоящему».¹⁸ Хрущев заявлял: «Я — за расцвет науки. За развитие отраслевых институтов».¹⁹ Но в необходимости фундаментальных исследований его приходилось долго и настойчиво убеждать. Столь явный прагматизм встречал неоднозначную оценку в среде крупных ученых-теоретиков. Еще в апреле 1954 г. академик П. Л. Капица обратился с письмом к новому лидеру страны. В нем он призвал отказаться от узко понимаемого прагматизма в научных исследованиях и сделать акцент на поддержке фундаментальных работ, мотивируя это возникшим в этой сфере отставанием от Запада.²⁰ В дальнейшем такие предложения звучали неоднократно, но поддержка теоретических исследований всегда должна была обосновываться тем, что они могли бы стать основой для прикладных НИОКР.

Наука и экономика. Реорганизации в советской экономике, как правило, были нацелены на обеспечение технологических изменений, но то, насколько достижимой оказывалась эта цель, выступало и в качестве постоянного источника разочарований.²¹ При Хрущеве в связке «экономика — наука — технологии» все отчетливее проявлялась особая роль науки, техническая политика трансформировалась в научно-техническую, а усиление прагматиз-

ма в науке становилось ее основой. Соответственно, усиливаются акценты на проблему внедрения результатов НИОКР в экономическую практику. К концу 1950-х гг. становилось все более очевидным, что административно управляемая экономика и отсутствие конкурентной среды не способствуют быстрому технологическому обновлению производства. Опыт ВПК показал, что даже искусственно создаваемая конкуренция, формирующая инновационное давление, приводила к позитивным результатам. Однако такая практика имела лишь крайне ограниченное окно возможностей, а в гражданской науке на повестке дня стояла весьма парадоксальная «борьба с дублированием» НИОКР.

По мере усложнения экономики проблема инноваций усугублялась, но причины постоянных неудач не были до конца осознаны. Впрочем, возможности для более глубокого анализа ситуации все же возникали. В частности, они появились в ходе дискуссии о реформе экономики, инициированной статьей Е. Г. Либермана, в которой содержался призыв к поискам новых подходов в системе регулирования экономической деятельности.²² Однако разговоры о реформе оказались сфокусированы на такой системе показателей планирования и материального стимулирования, которая должна была бы оптимизировать весь советский хозяйственный механизм. Все свелось к поискам единого «синтетического» индикатора экономической деятельности, на роль которого в конечном итоге был выдвинут показатель реализованной продукции. До проблемы инновационных стимулов дело так и не дошло. Остроту «проблемы внедрения» по-прежнему пытались снимать посредством организационных, кадровых и идеологических (мотивационных) решений.

В контексте проблемы эффективности инвестиций в НИОКР определенный интерес представляли и эксперименты с хозрасчетом. Пик их пришелся на начало 1960-х гг., когда была сделана попытка перевести отраслевые НИУ и КБ на самоокупаемость и работу по прямым заказам отдельных ведомств, совнархозов и предприятий.²³ Однако и в этой сфере

¹⁸ Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени: документы из личного фонда Н. С. Хрущева: в 2 т. М., 2009. Т. 2. С. 376.

¹⁹ Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1963. Т. 7. С. 247.

²⁰ См.: Капица П. Л. Письма о науке. 1930–1980. М., 1989. С. 305.

²¹ См.: Hewett E.A. Reforming the Soviet Economy: Equality versus Efficiency. Washington, D. C., 1988. P. 216.

²² См.: Либерман Е. Г. План, прибыль, премия // Правда. 1962. 9 сент.

²³ См.: Постановление Совета министров СССР от 1 апреля 1962 г. «О переводе отраслевых научно-исследовательских и конструкторских организаций на хозяйственный расчет». См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. М., 1968. С. 726–730.

намерения вступили в явное противоречие с практикой, поскольку субъекты экономической деятельности не были заинтересованы в использовании нововведений. Эти предприятия не носили всеобъемлющего характера и не затрагивали сферу академической науки и часть отраслевых НИУ, занятых фундаментальными исследованиями.

Реформы планирования, управления и организационные перестройки. Как и в экономике в целом, в сфере науки наиболее заметными стали реорганизации в области управления, что отражало философию реформ «по-хрущевски». В этом смысле наиболее показательными стали мероприятия по обеспечению единой системы планирования НИОКР и координации НИУ.

Первую задачу администрация Хрущева пыталась решить посредством оптимизации планирования на основе крупномасштабных государственных планов НИОКР. Вопросы о подготовке своего рода «суперпланов» в науке и технике, способных объединить практически все и вся в некий глобальный межведомственный план, обсуждались неоднократно. Одновременно предпринимались попытки сблизить планы НИОКР с планами капвложений и производственной деятельности. В такие проекторки вводились показатели по ассигнованиям НИОКР, расчеты по материалам и оборудованию и т. д. Но вплоть до конца периода планирование в науке слабо коррелировало с приоритетами экономики. Это же касалось и «суперпланов». НИОКР традиционно рассматривались скорее вне зависимости от широкого политического контекста, чем как его организационная часть.²⁴

Решение второй задачи должно было привести к формированию общегосударственного органа, ответственного за реализацию единой научно-технической политики. При этом наблюдались постоянные флюктуации, связанные с передачей части НИУ в ведение территориальных органов управления в ходе совнархозовских реформ, а также обратные тенденции при отказе от них. Однако стремление к формированию единого органа, ответственного за реализацию научно-технической политики, явно доминировало.

К середине 1950-х гг. управление НИОКР напоминало лоскутное одеяло и обеспечива-

лось несколькими десятками министерств и ведомств. Формально функциями общегосударственной координации обладали, кроме Президиума АН СССР, еще Госплан и Минвуз СССР, но фактически их возможности в этой области были весьма ограниченными, а интересы — зачастую конфликтующими. Однако ни Госплан, после реорганизации системы управления в стране в 1957 г. фактически ставший ключевым звеном в механизме экономического управления, ни Госэкономкомиссия (затем Госэкономсовет) СССР явно не были способны обеспечить эффективную координацию НИОКР.²⁵ При этом Н. С. Хрущева вообще не устраивали функции ни до-, ни пореформенного Госплана. В сентябре 1962 г. в ходе заседания Президиума ЦК КПСС он отмечал: «Сейчас отделы, которые существуют в Госплане, — счетные отделы, а их функции должны быть и определяющими научно-конструкторскую направленность».²⁶

Во второй половине 1950-х — середине 1960-х гг. основные усилия власти в этой сфере были связаны с попытками формирования эффективного органа государственного управления, способного обеспечить межведомственную координацию и интеграцию интересов. В стране последовательно возникали и прекращали свою деятельность ведомства, нацеленные на решение такой задачи: Гостехника (1955 г., впервые учреждение под этим названием было создано в 1948 г. и просуществовало до 1951 г.), Государственный научно-технический комитет (ГНТК) Совета министров СССР (1957 г.), Госкомитеты по координации научно-исследовательской работы (ГКНИР) 1961 и 1964 гг. Результаты их деятельности, как правило, подвергались жесткой критике. Они и не могли быть иными, поскольку полномочия всех этих структур оставались крайне ограниченными и во многих случаях конфликтовали с интересами других более мощных ведомств, а в условиях организационной чехарды дело часто ограничивалось лишь реорганизацией аппарата управления.

Что касается Академии наук, то и здесь в планах была масштабная реорганизация: еще в мае 1959 г. Н. С. Хрущев предлагал разделить ее на ряд отдельных организаций. Эти планы осуществились лишь частично: в 1961 г.

²⁴ См.: Science Policy: USA / USSR. Washington, D. C., 1980. Vol. II. Science Policy in the Soviet Union. P. 255.

²⁵ Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднейиндустриальной модернизации. М., 2006. С. 193–198.

²⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2004. Т. 1. С. 592.

в отставку был отправлен президент Академии А. Н. Несмеянов и реорганизовано Отделение технических наук, часть институтов которого была передана промышленным ведомствам.²⁷ Через два года возник «Проект записки Н. С. Хрущева в Президиум ЦК по вопросам дальнейшего развития науки», направленный для замечаний академикам М. В. Келдышу, Б. Е. Патону, М. А. Лаврентьеву и председателю ГККНИР К. Н. Рудневу, который грозил АН СССР радикальными изменениями структуры и статуса. Но этот вопрос был отложен.²⁸

Тем не менее в начале 1960-х гг. критика АН СССР из уст Хрущева звучала постоянно. В одном из выступлений в октябре 1962 г. он заявил: «Если в этом году Академия наук получила столько-то средств, то на следующий год она непременно просит больше, независимо от того, что она дала государству, народному хозяйству, есть ли рост в науке. И получается, что отдельные институты академии растут только по расходу средств».²⁹ На заседании Президиума ЦК КПСС в начале 1963 г. Хрущев подчеркивал: «Институты должны иметь целевое назначение. Они должны обслуживать отрасли, а не заниматься просто отвлеченными проблемами, которые не принесут никакой пользы нашему социалистическому строительству».³⁰ В июле 1964 г. вскоре после провала на выборах в академики Н. И. Нуждина, одной из одиозных креатур, одобренных ранее ЦК КПСС, состоялся Пленум ЦК, в ходе которого Н. С. Хрущев вновь пригрозил ликвидировать АН, но до оргвыводов все же дело не дошло.³¹

В целом Хрущеву не удалось сформировать эффективную структуру управления НИОКР, которая бы обеспечивала реализацию единой научно-технической политики. Данная задача решалась уже после его отставки и окончательного отказа от принципов совнархозовской реформы. В науке это было связано с созданием ГКНТ при Совете министров СССР. Однако и эта организация не имела реальных экономических рычагов управления. Как показала пра-

ктика, административные полномочия ГКНТ также оставались ограниченными, хотя, в отличие от предшественников, он имел право закрывать неэффективно работающие НИУ.³²

Формирование ГКНТ восстановило логику развития «индустриализационной» системы управления наукой, формирование которой началось еще в 1930-е гг. Как и в экономике в целом, управление строилось по линейно-функциональному принципу, когда функциональные органы осуществляли подготовку решений, а линейные обеспечивали их выполнение в трех основных секторах науки: академическом, отраслевом и вузовском.³³ Все это означало дальнейшее усиление централизации в управлении наукой. Возникла иерархическая система управления, в целом весьма напоминавшая администрирование производящими отраслями экономики. На науку в полной мере распространялись принципы бюрократического управления. При этом системные конфликты в отношениях между наукой и производством, связанные с усложнением обоих компонентов этой системы, постоянно нарастали. Складывавшаяся ситуация приобретала патовый характер.

В количественном отношении на рубеже десятилетий основные акценты расставлялись на укреплении научно-технического потенциала в духе «магии больших цифр», нашедших свое воплощение в Генеральной перспективе развития народного хозяйства на 1961–1980 гг., хотя сам Хрущев заявлял, что «к оценке успехов в науке нельзя подходить только с количественной стороны».³⁴ Важно, что при этом существенно изменялись территориальные проекции в размещении научных учреждений. Но и здесь Хрущев шел проторенным путем. Еще в проектировках сталинского Генерального хозяйственного плана СССР предполагалось создать «не менее 10 новых мощных научно-исследовательских центров преимущественно в восточных районах СССР, не уступающих соответствующим научно-исследовательским институтам Москвы и Ленинграда по насыщенности квалифицированными кадрами, наличию экспериментальной базы, оборудования лабораторий, библиотек

²⁷ См.: Fortescue S. The Academy Reorganized. The R&D Role of the Soviet Academy of Sciences since 1961. Canberra, 1983.

²⁸ См.: Афиани В. Ю., Илизаров И. И. «...Мы разгоним к чертовой матери Академию Наук», — заявил 11 июля 1964 г. первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 1. С. 167–173.

²⁹ Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1963. Т. 7. С. 247.

³⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2004. Т. 1. С. 676.

³¹ См.: Никита Хрущев. 1964: сценарии пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С. 52–61.

³² См.: Наука в экономической структуре народного хозяйства. М., 1990. С. 110.

³³ См.: Лахтин Г. А. Организация советской науки: история и современность. М., 1990. С. 29.

³⁴ Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1963. Т. 7. С. 246.

и бытовыми условиями для ученых».³⁵ Территориальные проекции были производными от военно-стратегической и экономической детерминанты. Последнее хорошо прослеживается на примере формирования системы наукоградов, подавляющее большинство которых относилось к ВПК. При организации таких анклавов в основе лежала потребность создания центров разработки опережающих технологий либо дублирующих военно-научных комплексов и производств, но не интересы науки.

Незначительное количество наукоградов формировалось и в условно гражданском секторе науки. Наиболее известный из подобных примеров — новосибирский Академгородок, ядро организованного в 1957 г. СО АН СССР. Вся история с созданием крупнейшего территориального академического комплекса отражала особенности механизма принятия решений в советской политике, в том числе и роль субъективного фактора. Именно это обстоятельство в конечном итоге позволило привнести в новый научный центр то содержание, которое коррелировало с глобальными трендами развития науки, что в конечном итоге и вывело СО АН СССР на лидирующие позиции в стране. Потенциал Отделения должен был возрастать быстрыми темпами: за двадцать лет планировалось довести количество НИУ до 82 при опережающем приросте их кадрового потенциала: численность научных сотрудников планировалось увеличить в 4 раза.³⁶ Общие инвестиции в развитие СО АН СССР должны были составить приблизительно треть от капиталовложений на АН СССР в целом.³⁷ То, в какой мере были реализованы эти намерения, — особый вопрос. Но очевидно, что уже ко времени отставки Хрущева на востоке страны сформировался мощнейший научный комплекс — второй после Москвы и Московской области, и заслуги в этом самого лидера страны вряд ли стоит недооценивать.

Несомненно, понимание роли НТП как фактора экономического развития в эпоху Хрущева существенно возросло. Наука стала одной из идеологем и фундаментальных опор стратегии развития советского общества. Благодаря космосу, работам по проблемам атомной энергии, физическим основам электроники, перспективным результатам в области химической физики и материаловедения и

т. д. в официальной идеологии исследовательская деятельность была мифологизирована и представлена в качестве ключевого движущего фактора прогресса. Это нашло свое отражение в главном доктринальном документе эпохи — Третьей программе КПСС.

С декларациями и идеологемами все было в порядке. Другой вопрос — насколько декларации и идеологема воплощались в мероприятиях научно-технической политики? И здесь дела обстояли несколько иначе. Несомненно, в годы Хрущева научно-техническая политика приобрела большую структурированность. При этом научно-техническая политика стала рассматриваться как один из компонентов экономической политики, хотя и постепенно приобретающий определенную самостоятельность. Отсюда и вытекали основные ограничения. Во-первых, ожидания от науки, постулированные в качестве идеологем, превосходили ее возможности и не могли быть воплощены в жизнь посредством мероприятий научно-технической политики. Во-вторых, и это главное, в годы «хрущевского десятилетия» так и не была осознана неразрешимость проблемы инновационной резистентности в советской модели экономики и не удалось прийти к пониманию, что НТП — это ключевой фактор интенсификации производства. Соответственно, он должен вести к структурным изменениям в экономике, в частности, к сокращению, а не к увеличению объемов производства многих отраслей. Это противоречие так и осталось неразрешенным, да и саму коллизию мало кто видел, и еще меньше было тех, кто решался об этом говорить. Несмотря на повышение статуса науки, инструментами научно-технической политики не удавалось решить и проблему трансферта из относительно продвинутого оборонного производства в его гражданские отрасли и сектора. Разница потенциалов постоянно возрастала, и конца технологическим разрывам было не видно.

Научно-техническую политику предполагалось оптимизировать посредством организационных мероприятий и реформ. Все они были вторичными и осуществлялись как часть преобразований в системе управления экономикой в целом. И, как и везде, они приносили лишь незначительные и временные результаты, не сопоставимые ни с ожиданиями, ни с затраченными ресурсами. Единой научно-технической политики так и не сложилось. Советская гражданская наука по-прежнему сохранялась в границах трех основных секторов —

³⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 1387. Л. 231–242а.

³⁶ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 8999. Л. 1–154.

³⁷ РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 612. Л. 277.

академического, отраслевого и вузовского, — каждый из которых развивался в рамках собственной логики, несмотря на попытки увязать ее с общеэкономическими императивами. Сохранялся огромный дисбаланс между военным и гражданским секторами науки, причем даже в условно гражданской науке объем так называемой оборонной тематики зачастую доминировал над всем остальным.

Пожалуй, один из немногих успехов в области управления научно-технической сферой был связан с ослаблением централизации и углублением регионализации в академической науке и в военном секторе исследований и разработок. Формирование СО АН СССР в условно гражданском секторе науки и сети наукоградов в военном, даже при том, что далеко не всем планам было суждено осуществиться, стало несомненным успехом. Правда, вскоре

выяснилось, что новый региональный центр начал воспроизводить базовую матрицу в отношении собственной научной периферии.

К середине 1960-х гг. на фоне понимания того, что прогресс в науке не привел к адекватному росту уровня жизни, стало проявляться и общественное разочарование в ее возможностях. Рушился миф о всемогуществе науки в советском обществе, разрушалась одна из важнейших коммунистических идеологем. Это осознавал и сам Хрущев. Уже после своей отставки он весьма эмоционально отмечал: «Все догоняем, и догнать никак не можем этот гнилой капитализм. А этот гнилой капитализм дает нам такие уроки, что мы от изумления рот раскрываем».³⁸ Как показала последующая история, всего лишь четверть века спустя проигрыш в технологической гонке стал одним из решающих факторов коллапса страны.

Evgeny G. Vodichev

Doctor of Historical Sciences, professor, Novosibirsk State Technical University; National Research Tomsk State University (Russia, Novosibirsk, Tomsk)
E-mail: vodichev@mail.ru

IN THE TRAJECTORY OF ECONOMIC REFORMS: SCIENCE AND SCIENCE POLICY IN THE YEARS OF THE “KHRUSHCHEV’S DECADE”

The paper is devoted to the problems of the USSR scientific and technology (S&T) policy during the “Khrushchev’s decade”, presented as part of the macroeconomic policy. The analysis is carried out in the context of economic reforms and experiments implemented in the country. The main components of S&T policy are revealed, the evolution of its structure and content in comparison with the first post-war decade is shown. In the analysis of S&T policy, the main attention is paid to the reflection of the status of science as a driver of economic development in the context of global challenges and the formation of new techno-economic paradigms. The emphasis on the applied function of research and development (R&D) proclaimed in the framework of S&T policy is presented as a reflection of the traditional for the USSR interpretations of the place and role of science in society under new conditions of scientific and technological revolution as a Soviet counter-thesis to the concepts of post-industrial society. The connection of decision-making mechanisms in the field of S&T policy with general line of Khrushchev’s populism, and the emerging practice of “bureaucratic bargaining” is outlined. The basic trends of approaches to planning in science and coordination in the field of R&D are identified, the directions of organisational restructuring in the governing of the scientific and technical complex are shown. It is concluded that S&T policy in the mid-1950s — 1960s remained a function of economic policy, that a unified S&T policy in the country under N. S. Khrushchev had not been formed. At the same time, the return on innovation remained at a low level.

Keywords: *N. S. Khrushchev, economic policy, science, science and technology policy, reforms*

REFERENCES

Afiani V. Yu., Ilizarov I. I. [“... WE WILL BREAK UP THE ACADEMY OF SCIENCES TO HELL”, — the first secretary of the CPSU Central Committee N. S. Khrushchev stated on July 11, 1964]. *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki* [Studies in the History of Science and Technology], 1999, no. 1, pp. 167–173. (in Russ.).

³⁸ Никита Хрущев — Голос из прошлого. Фильм четвертый. Крах. Студия «Аргель». Режиссер Артем Чапихин-Тоидзе. URL: https://www.youtube.com/watch?v=q1CndUTqF2o&feature=emb_logo (дата обращения: 18.07.2021).

- Artemov E. T. *Nauchno-tekhnicheskaya politika v sovetskoy modeli pozdneindustrialnoy modernizatsii* [Science and technology policy in the Soviet model of late industrial modernization]. Moscow: ROSSPEN, 2006. (in Russ.).
- Artemov E., Vodichev E. The Economic Policies of the Khrushchev Decade: Historiography. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 5, pp. 1822–1839. DOI: 10.15826/qr.2020.5.562 (in English).
- Artemov E. T. *Atomnyy proyekt v koordinatakh stalinskoy ekonomiki* [Atomic project in the coordinates of the Stalinist economy]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017. (in Russ.).
- Burlatsky F. M. *Vozhdi i sovetsniki: o Khrushcheve, Andropove i ne tol'ko o nikh...* [Leaders and advisers: about Khrushchev, Andropov and not only about them...]. Moscow: Politizdat Publ., 1990. (in Russ.).
- Duzhenkov V. I. *Problemy organizatsii nauki (regional'nyye aspekty)* [The problems of the organization of science (regional aspects)]. Moscow: Nauka Publ., 1978. (in Russ.).
- Fortescue S. *The Academy Reorganized. The R&D Role of the Soviet Academy of Sciences since 1961*. Canberra: Australian National University Press, 1983. (in English).
- Gaidar E. T. *Dolgoye vremya. Rossiya v mire: ocherki ekonomicheskoy istorii* [Long time. Russia in the World: Essays on economic history]. Moscow: "Delo" Publ., 2005. (in Russ.).
- "Genshtab nauki": *usestoronneye issledovaniye Rossiyskoy / Sovetskoy / Rossiyskoy Akademii nauk. Sb. statey* ["General Staff of Science": a comprehensive study of the Russian / Soviet / Russian Academy of Sciences. Collection of articles]. Hiroshima, Research Group no. 22500858. Japan Society for the Promotion of Science, 2011, vol. 1. (in Russ.).
- Hewett E. A. *Reforming the Soviet Economy: Equality versus Efficiency*. Washington, D.C: The Brookings Institution, 1988. (in English).
- Kalinov V. V. [The achievements and failures of the state scientific and technical policy of the USSR in the postwar period]. *Rossiyskiy tekhnologicheskii zhurnal* [Russian Technological Journal], 2018, vol. 6, no. 1 (21), pp. 73–87. (in Russ.).
- Kapitsa P. L. *Pis'ma o nauke. 1930–1980* [Letters about science. 1930–1980]. Moscow: "Moskovskiy rabochiy" Publ., 1989. (in Russ.).
- Khanin G. *Dinamika ekonomicheskogo razvitiya SSSR* [Dynamics of the economic development of the USSR]. Novosibirsk: Nauka, SO Publ., 1991. (in Russ.).
- Kozlov B. I. *Akademiya nauk SSSR i industrializatsiya Rossii. Ocherk sotsial'noy istorii. 1925–1963* [The USSR Academy of Sciences and the industrialization of Russia. Essay on social history. 1925–1963]. Moscow: "Akademiya" Publ., 2003. (in Russ.).
- Lakhtin G. A. *Organizatsiya sovetskoy nauki: istoriya i sovremennost'* [Organization of Soviet science: history and modern times]. Moscow: Nauka Publ., 1990. (in Russ.).
- Nauka v ekonomicheskoy strukture narodnogo khozyaystva* [Science in the structure of national economy]. Moscow: Nauka Publ., 1990. (in Russ.).
- Science Policy: USA / USSR*. Washington D.C.: NSF, 1980, vol. II: Science Policy in the Soviet Union. (in English).
- Vodichev E. G., Krasilnikov S. A., Lamin V. A. et al. *Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoye otdeleniye. Istoricheskiy ocherk* [Russian Academy of Science. Siberian Branch. Historical Essay]. Novosibirsk: Nauka, SO Publ., 2007. (in Russ.).